

Те, кто следит за трансляциями Цзян Цзю, ожидали его очередного выхода в эфир. Когда он наконец появился, зрители увидели, как он покупает ароматный мешочек, вкладывает в него письмо и отправляет с посыльным в Чачжоу.

Кому именно в Чачжоу предназначалось послание — другу или родственнику — оставалось загадкой. Зрители пытались докопаться до истины, но их внимание вскоре переключилось на так называемый турнир по боевым искусствам, организованный императорским двором.

— Состязание вне зависимости от рангов, победитель получит сто лянов золота!

— Мгновенное обогащение?

— Даже если не победить, это потрясающая возможность завести знакомства среди мастеров.

— Те, кто умеет вертеться, точно не упустят шанс наладить связи.

— Интересно, рискнет ли кто-нибудь из гражданских чиновников заявиться?

— А Цзян Цзю будет участвовать?

— Сто лянов золота, подумать только!

Поскольку турнир проводился впервые, многие записались ради интереса. Цзян Цзю тоже решил принять участие, чем немало удивил окружающих.

Цзин Шилан напутствовал его беречь себя, а министр Хуан лишь хмыкнул, потребовав не позорить Министерство двора.

Реакция людей из Министерства двора была вполне предсказуемой, однако слова, которые говорили Цзян Цзю другие участники, выглядели довольно комично.

— Если встретимся в бою, будь добр, не бей сильно, — сказал ему один из военных чиновников. И он был далеко не первым, кто просил об этом.

Цзян Цзю недоуменно спросил:

— Я что, сделал что-то такое, что так сильно вам запомнилось?

Под лучами солнца кожа Цзян Цзю казалась неестественно белой, почти светящейся, а утонченные черты лица приковывали взгляды. Те, кто не знал его прошлого, видели в нем лишь гражданского чиновника с непонятным уровнем подготовки. Те же, кто был осведомлен, нервно разминали суставы, надеясь, что при встрече с ним не ударят в грязь лицом.

— Мы тоже в недоумении!

— Старшой, рассказывай скорее, мы люди не робкие, нас не напугаешь.

— Давай, выкладывай, я весь во внимании!

— Я уже начал запись экрана!

— Ты что, не помнишь, что учудил в прошлом году? — военный чиновник понизил голос, чтобы никто не услышал. — Ты преследовал человека, который помешал тебе поесть, загнал его в угол и снес кулаком стену его дома.

— Одним ударом...

— Вот это кулак!

— Никогда не злите голодного человека.

— Впечатляет. Хотел бы я знать, кто был его учителем.

— А я хочу знать, чья это была стена!

— Смешно до колик. Я тоже хочу это знать.

— Вспомни еще лицо Ли Цзяню из Министерства чинов, когда он на тебя смотрел, — продолжал напоминать чиновник.

— Ха-ха-ха, неужели люди в древности были такими забавными?

— Мое лицо — это важно!

— Обидел меня — останешься без риса!

— Как же они, должно быть, боятся Цзян Цзю.

— Хотя он ведь такой скромный. Заметили? В девяти из десяти случаев конфликты возникают только тогда, когда кто-то мешает ему поесть.

— Наверное, именно поэтому стражники, отвечающие за порядок в Столице, знают его в лицо.

— Скорее всего, так и есть.

В день соревнований светило солнце. Участники в синей форме выстроились в ряды, а на трибунах собрались чиновники и придворные дамы — царило невероятное оживление.

— Этот свиток... Господи...

— Сколько же он собирается говорить?

— Не знаю, сколько он хочет сказать, но видно, что он ужасно нервничает.

Зрители трансляции с интересом комментировали происходящее, пока вдруг камера не

сменила ракурс, показав, как Цзян Цзю, словно саботируя мероприятие, уселся на ступеньки у заднего входа.

— Цзян Цзю такой бледный.

— До чего белый, я сейчас лопну от зависти.

— Сколько же лимонного сока он выпил в прошлой жизни, чтобы в этой стать таким белоснежным?

— Не знаю, но я тоже завидую. А в этой форме он выглядит еще красивее, чем обычно.

— Согласен, очень красив. Сделаю скриншот, поставлю на обои.

Помимо восхищения внешностью Цзян Цзю, зрители принялись обсуждать и окружающую обстановку. В комментариях замелькали знаки вопроса и многоточия.

— Я сдаюсь.

— Столица такая маленькая, ха-ха-ха. Как можно было снести стену дома именно того человека, которого ты знаешь?

— Внезапно стало жалко Ли Цзяню.

— Ли Цзяню ведь не участвует в турнире?

— Он гражданский чиновник, нет.

— Цзян Цзю тоже чиновник.

— Если бы Ли Цзяню участвовал, он мог бы использовать тот случай, чтобы заставить Цзян Цзю признать поражение.

— Пф-ф, умора, но я бы на это посмотрел!

— Я тоже.

— Помни, не бей сильно, — перед уходом снова попросил военный чиновник. — И, пожалуйста, не бей по лицу. Мне оно в последнее время часто нужно.

— Атмосфера прямо как на спортивных играх.

— Там наверху столько красивых девушек. Цзы Люхуэй и Сюли такие статные.

— А чиновники выглядят такими величественными.

— Министр Хуан снова сменил маску.

— Если собрать все его маски, получится целый музей.

На арене появился Ли Цзяню со свитком и с самым серьезным видом начал читать вступительную речь. Цзян Цзю моргнул, словно припоминая тот самый случай. Неужели это был его способ пассивного протеста против бесконечной речи Ли Цзяню?

— Жарко, — пробормотал Цзян Цзю.

Зрители трансляции притихли. Погода была не такой уж и жаркой. Они знали, что Цзян Цзю не любит бывать на солнце, но жаловаться на жару сейчас было явным преувеличением.

— Спросите: он что, вампир?

— Спросите: он что, призрак?

— Спросите: его что, кто-то проклял?

Многие шутливо засыпали чат комментариями.

— Похоже, сегодняшняя погода для тебя — настоящее испытание, — раздался голос у Цзян Цзю за спиной. Он даже не обернулся.

— Черт, без помощи Цзян Цзю я не знаю, кто это говорит.

— Может ли Цзян Цзю обновить систему трансляции? Чтобы можно было видеть людей на 360 градусов, даже сидя на месте.

— Если бы так, это была бы уже не трансляция, а сериал.

— Сериал — это хорошо, я бы посмотрел пятьсот серий!

— Может, выиграв сто лянов золота, Цзян Цзю сможет обновить систему?

— Это же по нашим меркам сотни тысяч!

— А если пересчитать на вес золота, то и вовсе миллионы.

— Обалдеть, я что, наблюдаю за таким масштабным проектом?!

Многие были в шоке. Но когда их взгляд вслед за Цзян Цзю переместился на Лань Цюина, шок сменился тревогой.

— Это же, кажется, генерал.

— Должно быть, он — серьезный соперник Цзян Цзю в борьбе за золото.

— Конечно, представителю клана Лань деньги не нужны, но и причин поддаваться у него нет.

— Верно, победить за счет жалости — не почетно.

— Цзян Цзю, вперед!

Цзян Цзю даже не поднялся, лишь спросил:

— Господин чиновник еще не закончил?

Лань Цюин хотел было ответить, но тут раздался громогласный голос Великого учителя Суна, потребовавшего от Ли Цзяню закругляться.

— Похоже, скоро конец, — заметил Лань Цюин.

Услышав это, Цзян Цзю поднялся, отряхнул одежду и произнес:

— Спасибо.

Лань Цюин ответил:

— Я ничего особенного и не сделал.

Цзин Шилан не спускал глаз с Цзян Цзю. Увидев, что тот внезапно исчез из толпы, он забеспокоился. Посмотрев на солнце, он пробормотал:

— Неужели он упал в обморок?

Министр Хуан отозвался:

— Если упал — отлично, будет легче унести.

Цзин Шилан дернул уголком рта. Язык Фэн Чжу все такой же ядовитый. Возможно, он до сих пор злится на поведение Цзян Цзю летом. Летом Цзян Цзю становился куда более хрупким: не расставался с зонтом, заматывался бинтами, стараясь не попадать под солнечные лучи. Фэн Чжу это раздражало, ведь однажды вид забинтованного Цзян Цзю его не на шутку напугал.

Хотя за маской Фэн Чжу сохранял невозмутимость, Цзин Шилан чувствовал: он действительно тогда перепугался. Видимо, с тех пор в голове Фэн Чжу и засел образ Цзян Цзю как слабого и светобоязливое человека. Но Фэн Чжу не о чем было волноваться, как и ему самому. Цзин Шилан посмотрел на Цзян Цзю, входящего в строй, и подумал, что сейчас — весна.

Зрители замерли в ожидании начала соревнований, но никто не ожидал, что в них примет участие сам король Сайуны, Цзы Люхуэй. В этот момент давление почувствовал каждый в чате трансляции.

— Кто посмеет не проявить уважения к Его Величеству?

— Кто посмеет?

<http://bllate.org/book/19958/1965524>